

С ужасом смотря на меня, один из них побледнел, а другой, покраснев, закричал: "Нет! Британский солдат никогда не будет стрелять в женщину!" Круго повернувшись, они ушли, уведя с собой собаку.

Как в тумане я подошла к маме. Она лежала на траве в полудремотном состоянии. Заплетающимся языком мама сказала, что хочет со мной попрощаться. Пронзила мысль: свое обещание живой не даться в руки англичан она исполнила,приняла морфий.

В отчаянии, схватив ее за плечи, я начала ее трясти и старалась вызвать у нее рвоту. С рвотой на траву выпало несколько не совсем растрогвшихся таблеток, и я побежала в госпиталь за помощью.

Через несколько минут подошла молоденькая женщина-врач. Это была Анна Афанасьевна Браткина. Исследовав маму, сделала инъекцию, приказала ее водить и ни в коем случае не давать заснуть.

Тормоша, стараясь поднять маму на ноги и, наконец, выбившись из сил, я села на траву и горько расплакалась.

Вдруг я почувствовала,что кто-то стоит за моей спиной.

Обернулась. Перед нами стояли двое солдат с озабоченными лицами. Они старались узнать, что случилось. Это были английские солдаты из батальона, ничего общего не имеющего с репатриацией казаков. Поняв, в чем дело, взяли маму под руки и начали водить по дороге.

Как долго мы ходили, я не помню. Мне казалось, прошла вечность.

Мама пришла в себя, и я почувствовала, что опасность миновала.

Имена солдат помню до сих пор: Джонни и Тони. Если бы не они,вряд ли мы бы остались живы.

Спрятав нас в своей палатке, сказали, что знают тропинку и мостик, который не охраняется английским патрулем, и когда стемнеет, они проведут нас в Лиенц, где находится сборный пункт для всех желающих вернуться на Родину людей, забранных немцами на работу из различных стран.

Наступил вечер. Прислушиваясь к каждому звуку, солдаты по узенькой тропинке довели нас до Лиенца. Привели к дому, о котором говорили. С глубокой благодарностью за их доброту и сострадание к нам мы попрощались. Никогда их больше не встречали, но всегда вспоминали в своих молитвах.

Во дворе никого не было. Дверь в дом была открыта, но там тоже никого не было.

Зашли в комнату. Она была пуста. Мы сели в угол на пол и предались тяжелым думам. Мысли путались. Я старалась разобраться в случившемся рационально – понять и объяснить необъяснимое.

Как могло случиться, что те самые английские солдаты, которые приходили к нам в лагерь, улыбались, обещали нам помочь, с удовольствием слушали пение, восторгались джигитовкой казаков, – те солдаты с которыми мы подружились, – вдруг оказались такими жестокими, с такой яростью набросились на толпу беззащитных людей?

Во времена Александра Невского тевтонские рыцари, вторгнувшись в Россию, накалывали на пики младенцев,бросали в кости малолетних детей, вырванных из рук матерей, стариков и женщин... Но ведь это же было средневековье!..

Была я и в Остовском лагере. Много видела человеческих страданий и горя, столкнулась с ужасами войны... Но никогда не видела, чтобы солдаты, вооруженные дубинками, с примкнутыми к винтовкам штыками, по приказу офицера,выстроившись в шеренгу, двинулись на беззащитную толпу стариков, женщин, детей и безоружных казаков.

Как могло случиться, что англичане, которые день тому назад были так дружелюбно настроены, с такой яростью набросились на нас, начали избивать дубинками,вырывать детей из рук несчастных матерей, грубо бросать их в

грузовики? Чем провинились? Что заставило англичан применить такую жестокость к казакам?

Ответа я не могла найти. И только подумала,что их,возможно,чтобы опоили и они просто потеряли разум...

Ночь была бесконечной, тревожной. Задремав к утру, мы услышали вдруг шум подъехавшей машины. Распахнулась дверь. В комнату вошли два английских офицера с переводчицей. Страно посмотрев на нас, спросили: кто мы, не казачки ли? Мама была в полуосознательном состоянии, а мне все стало безразлично, и я только смотрела на них и молчала. С нетерпением они еще раз спросили, не казачки ли мы. Не услышав ответа, через переводчицу потребовали показать документы, из которых было бы видно, что мы не казачки.

По выражению их лиц видела: они теряют терпение. Ничего не оставалось, как показать им какое-либо удостоверение. Открыл портфель, подала первое, что лежало сверху всех документов. По воле судьбы это оказались остовские карточки с фотографиями.

Они взяли в руки карточки. Посмотрели на нас... Лица офицеров смягчились, в них появилось сострадание. Сказали, что теперь наши мучения в немецких лагерях кончились, и нам скоро будет дана возможность вернуться на Родину. Но нам нужно будет подождать: в первую очередь английское командование должно отправить казаков, а затем будут поданы транспорты для всех желающих вернуться домой.

Улыбнулись. Пожелали нам всего хорошего...
Они вышли, и скоро мы услышали шум отъезжающей машины.

Здесь нам оставаться было нельзя, и мы пошли в центр Лиенца. Начали бесцельно бродить по улицам, не зная, на что решиться. Уйти в горы и спрятаться в лесу – страшно. Просить приюта у австрийцев – опасно.

Измученные, голодные, к вечеру набрели мы на католическую церковь с церковным домом. Они были повреждены бомбежкой и стояли заброшенными. Решили зайти, чтобы переночевать.

В здании услышали доносящиеся из темноты голоса. Поняли на них.

Радости не было конца: это были наши друзья из лагеря. Им тоже посчастливилось убежать из толпы во время побоища. Были это: Оля Липова с бабушкой и невестка доктора Косиновой Зоя, с матерью и 12-летней дочерью Инной.

Стало легче на душе: мы не одни. Переговорив о пережитом, в первый раз более-менее спокойно заснули.

Прожили, скрываясь, несколько недель. Оля и я выходили, чтобы узнать новости, попросить у австрийцев еды...

Через некоторое время узнали: насилиственная отправка в Сов. Союз приостановлена. Но, уже не веря англичанам, постарались достать удостоверение, что мы не советско-подданные, а старые эмигранты.

Попали под опеку УНРА и прожили в Австрии до 1948 года. В 1948 году мама и я эмигрировали в Канаду.

M. ПЛАТОНОВА (ФЕТИСОВА).
Монреаль. Канада. 1995 г.

P.S. На закате моей жизни, до самой смерти я никогда не смогу понять: как Англия – страна, давшая миру Шекспира, Байрона, Диккенса и многих других великих людей, могла совершить такое предательство, превысить такую беспримерную подлость и жестокость?

Видно, даже с приходом цивилизации сущность человека не изменилась: он остается таким же, как в начале сотворения мира. И делится на людей с добрым сердцем – и людей с сердцем жестоким и злым. И место, где он появляется на свет, не играет никакой роли...

Помни Лиенц!

Обращение Ольги Николаевны Куликовской-Романовой к геройской гибели казаков в Лиенце

людей на нечеловеческие муки – на растерзание дикими зверьми. Не верилось, что это происходит в наше цивилизованное "гуманное" время, в 1945-47 годах в Лиенце, Дахау, Платлинге и в других местах.

Так были выданы атаман генерал Петр Николаевич Краснов, генерал Андрей Георгиевич Шкуро, генерал Султан Келеч Грей, генерал Тимофей Иванович Доманов, генерал Семен Николаевич Краснов. Добровольно пошел на смерть со своими казаками, даже не будучи русским, генерал Гельмут фон Панници. Они пострадали за то, что не хотели идти под власть злобной сатанинской силы, владеющей нашей РОДИНОЙ и отрицающей БОГА, добро и справедливость.

Насильственная депатриация казаков в Лиенце – одно из самых ужасных преступлений военного времени является нарушением всех Божеских и человеческих правил. Пусть героическая гибель непокоренных казаков всегда напоминает грядущим поколениям о зверствах коммунизма и предательстве англичан.

Геноцид Лиенца – горе и боль миллионов людей. Мы не можем допустить, чтобы их мучническая смерть была забыта.

We shall never forget! Мы никогда не забудем!

Всем погившим и при зверской выдаче, и в концентрационных лагерях, а также умученным безбожной сатанинкой властью ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ! г. Торонто

Ольга Куликовская-Романова

ЛИЕНЦ: КАК ЭТО БЫЛО

В годы гражданской войны, в годы красного террора, сталинской кровавой коллективизации, искусственного голода и репрессий НКВД было уничтожено более 2 миллионов казаков. Именно эта преступная политика геноцида казачества спровоцировала массовый переход огромного количества казаков на сторону Германии и ее союзников в годы Второй мировой войны. Другие бежали от зверств советской власти вместе с отступающими германскими войсками.

В 1945 году на территории Италии, Югославии, Германии, Франции насчитывалось более 70 тысяч казаков, бежавших от советской власти, из них более 40 тысяч находились в Австрии. В мае того же года 30 тысяч представителей Казачьего стана, со своими семьями: женами, матерями, отцами и детьми перешли из Италии через Альпы в Южную Австрию в город Лиенц, который входил в английскую оккупационную зону. Одним из условий принятия "на своей земле" столь большого количества людей, англо-американское командование просило добровольную сдачу казаками всего оружия. При этом казачих атаманов заверили, что никто из них не будет насилиственно выдан Сталину. На самом деле, как свидетельствует история, как свидетельствуют очевидцы и документы того времени, Черчилль и Альдингтон пообещали передать НКВД и СМЕРШ-у на уничтожение всех казаков – все 70 тысяч человек. Альдингтон с мефистофельской улыбкой сказал Черчиллю: "История предоставляет нам шанс уничтожить одну часть русских дикарей руками другой части русских дикарей".

Позорная, темная, кровавая страница Лиенца, началась 28 мая 1945 года, когда английское командование пригласило всех казачих офицеров и генералов казачьего стана "на конференцию", на которую их всех посадили в грузовики и отвезли в город Шпиталь. Там 2176 офицеров было передано органам НКВД и СМЕРШа.

Несколько сотен из них расстреляли сразу же или в последующие дни, а трупы их сожгли. Остальных отправили в СССР, где посадили в концлагеря, из которых они уже не вернулись. 28 мая к вечеру, когда офицеры не вернулись, их матери и жены пришли к представителю английского командования майору Дэвису узнать, что случилось с офицерами, майор Дэвис очень взвесливо ответил, что "безспокойствия не надо, все офицеры скоро вернутся". Он извинился, что не может сообщить их место пребывания, так как это есть "военный секрет"; но, заверил, что они ни в

чём "не нуждаются", и если кто желает передать записку или письмо, -- он постараётся, лично, все доставить по адресу.

К вечеру до Лиенца дешел слух, что офицеры были переданы красной армии, но Майор Дэвис продолжал отрицать. Пока-место не появились автомашины с громким говорителями оповещающими казаков в далине реки Драва, что все они будут депатрированы в советский союз по договору в Яльте Черчилля, Рузвельта и красного дракона Сталина. Громко говорили также угрожали, что всяко сопротивление будет встречено огнем! Протест этому, заключенный лагеря Пеггец, объявили голодовку! Священник лагеря, отец протоиерей Василий Григорьев, донской казак, написал просьбу-протеста, подписанную тысячами имен на имя майора Дэвиса, который должен был передать копии: Королю Англии Георгию VI, близкому родственнику Царя Николаю II; Королю Югославии Петру; Папы Римскому; Архиепископу Кентэмберийскому и Высшему Командованию Союзной Армии в Европе, Генералу Дэвиду Айзенхauerу. Черные флаги смерти украсили крыши домов, телеграфные столбы и въездные ворота в лагерь.

Не только казаки протестовали против зверской депатриации, но, даже, католический священник города Долсаш, который был не более в двух километрах от лагеря, вывесил большой черный флаг на колоколне своего храма, с призывом молиться за ужасную, нечеловеческуючасть казаков. Этот флаг был снят на следующий день "союзниками".

Никому и в голову не приходило, что британцы подымут свое оружие на безоруженных казаков, их жен и их детей!

Атаман лагеря Пеггец Коэма Толунин заявил майору Дэвису, что никто добровольно не желает возвращаться в СССР, так как только смерть ожидает их там, посему лучше умереть в Австрии, чем в тундрах Северного Полюса.

К этому времени казаки поняли, что их обманули, и решили сопротивляться до последнего. Они отказались добровольно грузиться в машины и вывесили по всему лагерю плакаты: "Лучше смерть, чем отправка на мучения в СССР!" Сопротивление насилиственной депатриации возглавили 22 военных священнослужителя Русской Православной Зарубежной Церкви. Танки и грузовики, все туже и туже окружали цепью лагерь и его обитателей.

30 мая, 1945 года, вдруг, без всякого соболезнования и стыда майор Дэвис объявил, что депатриация начнется на следующий день, но благодаря, что этот день был праздничным днем в Римо-католической Церкви, все планы выдачи начнутся 1 июня.

Под ночным покровом, многим удалось убежать в лес, другие проводили утренние часы в молитве; в тоже время, красная армия подогнала вагоны, в которые англичане из грузовиков намеревались выгруживать свою добчу.

В пять часов утра священнослужители попросили разрешение, на открытой поляне, перед бушующей рекой Драва отслужить божественную литургию, на что и получили разрешение.

Со всех концов Стана, толпы богомольцев с иконами, хоругвями, во главе со своими священнослужителями потянулись на открытое место, где к этому времени, была сооружена походная церковь; к шести часам утра, поляна была усеяна народом, кадеты, хотя, и без оружия, окружили цепью молившийся народ.

Все в это утро исповедывались и когда началось причастие, молившиеся казаки были окружены с трех сторон танками и автомашинами, из которых по команде начали вылезать солдаты вооруженные автоматами, винтовками со штыками ожидали призыва. Предвидя свою ужаснуючасть, казаки запели молитву "Отче Наш..."

На середине этой молитвы послышались выстрелы, англичане начинали нападать на толпу с двух сторон, спустя несколько минут, послышались более учащенные выстрелы, которые попали в толпу; толпа еще более сблизилась, как одна монолитная стена, британцы видя сопротивление, пустили вход пули, штыки и приклады и кровь полилась рекой!

В это время Юнкера, за-

быв свое юношество и во одно мгновение выросли в витязей-богатырей! Применив свои беззоружные богатырские руки; смыли британцев, завладев некоторыми грузовиками нагруженными человеческим мясом, обезглавленных трупов, или с разбитыми черепами людей; видя это, кровавые британцы направили на этих доблестных юношей танки, -- и подавили всех! В этой озверелой, не человеческой схватке, англичаны кого убивали штыком, кого добивали прикладом. Душу раздирающие крики неслись над долиной. В этом катализме многие были задавлены до смерти, главным образом маленькие дети.

Волья, и крик, и плач матери заглушали долину Лиенца, поистине, здесь вторично, в истории христианства, сбылись слова пророка Иеремии: "плач и рыданье, и вопль великий"; казаки плачут о детях своих и не хотят утешиться, ибо их больше нет!

Вся наша семья была в середине этого ужасного водоворота: папа, дядя Вася, мой брат, будущий Иеромонах Игнатий, две сестры и мама, которая всегда держала меня за руку, так как мне было 4 года и 2 месяца.

И вот вперв